

7. Тихомиров Л. А. Спасительная роль Церкви в лихолетье // Московские ведомости. 1913. № 45.
8. Тихомиров Л. А. Необходимость Церковного собора // Московские ведомости. 1913. № 299.
9. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М., 2000.
10. Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997.

Н. КУДЕЛЬКО, Е. МЕРИНОВА

И. А. ИЛЬИН О ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ

Когда патриоты говорят о возрождении России, то они, отмечал И. А. Ильин, представляют себе восстановление достойной государственной формы, возобновление осмысленного хозяйства, основанного на частной собственности, и возрождение свободной русской культуры. Положение мало изменилось и в наше время.

Все указанное необходимо, но всего этого мало. Дело не сводится к внешнему порядку, строю и «успеху» жизни, оно – во внутреннем укладе, строе и характере человека. Необходимы личные качества и тяготения человека; это то, как он поведет себя в личной жизни; и еще глубже: это его вера, его совесть и верность; это его характер; это то, что он способен совершить в общественной жизни и чего он не может не сделать. Ведь чем больше порочности будет гнездиться за ширмами парламента и всех учреждений, тем ближе государство будет к смуте и разрухе, тем непосильнее будут ему исторические испытания. И если этой продажности и порочности будет много, если русские люди будут мерить в жизни все личной жадностью, а не предметным достоинством, то как возродим Россию? Что противопоставим напору внешних сил, стремящихся насадить коррупцию и разложить наше Отечество? Как справимся с соблазнами озлобления, мести, фактического захвата (грабежа), лжи, доноса и, главное, продажности, задает вопросы И. А. Ильин. А если не справимся с этими тяготениями и соблазнами, то не возродим Россию, а предадим ее мировой закулисе и разбазарим ее на мировом рынке.

И. А. Ильин исходил из ведущей роли духа и культуры народа. Своеобразие национальной ментальности он основательно раскрыл в своей знаменитой статье о русской идее. Под идеей он понимал не образ желаемого будущего, чем заняты философы сегодня, а такую доминанту души народа, из которой вырастает своеобразие религии, культуры, государственности и хозяйства народа. Идея есть, согласно Ильину, энтелехия души народа, то, что уже присуще народу как целевая причина своеобразия национального духа. Ныне нам, писал И. А. Ильин, более, чем когда-нибудь, подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее, от ее лица и для будущих поколений ее творческую идею.

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего свое видение воле для действия, и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно

чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

Русская идея есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божье благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что Бог есть Любовь. О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники – и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние сердечного чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, протекающая из переполненного чувства. Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой Феодосий – есть явление сушей доброты. Духом сердечного и совестного созерцания проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке.

Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Без любви он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою.

Первое проявление русской любви и русской веры, продолжает И. А. Ильин, есть живое созерцание. Созерцанию нас учило, прежде всего, наше равнинное пространство, наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которою скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все – от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. Русскому человеку присуща потребность увидеть любимое вживе и въяве и потом выразить увиденное – поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было чувственным изображением нечувственно-узренных оснований.

Но сердце и созерцание дышат свободно. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самодеятельное: он любит и творит сам, согласно своим внутренним потребностям. Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той

им провизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Однако это созерцание призвано быть не только свободным, но и предметным. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуждания, а для органически-творческого самооформления, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного нахождения предмета и пребывания в нем. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура. Там, где русский человек жил и творил из этого акта, он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания – во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божий дары – история и природа сделали русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его драгоценная самобытность в сонме других народов. Этим определяется и задача русского народа: быть таким со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не искажать своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этим духовным актом.

Самобытность русского народа, замечает И. А. Ильин, совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и бессмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон.

Исходя из такой духовно-душевной конституции народа, И. А. Ильин делает следующие выводы. Русская религиозность должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе; и всегда блюсти свой совестный акт. Русское православие должно чтить и охранять свободу веры – своей и чужой.

Русское искусство призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. У русского художества свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт: нет русского искусства без горящего сердца, нет русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет все это, то будет и впрямь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом.

Русская наука – не призвана подражать западной учености, ни в области исследований, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследовательство. Это совсем не значит, что для

русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Русский ученый призван вносить в свое исследование начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести. Русский ученый призван вдохновенно любить свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Гедеонов, Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой. К этому должна присоединиться творческая свобода в исследовании. Научный метод не есть мертвая система приемов, схем и комбинаций. Всякий настоящий, творческий исследователь всегда вырабатывает свой, новый метод.

Русское право и правоповедение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервиллизма. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание.

Воспитание, школа, семья, армия, хозяйство, культура, Россия в целом – все это может быть обновлено духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совместного созерцания? Куда заведёт нас новое рассудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многоплеменного состава, если не сердцем и не свободой? А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия.

Таков основной смысл русской идеи, источником которой является православное христианство. Из этой идеи исходил Ильин в своем многостороннем творчестве.

Мы не должны гоняться, писал он, за чужими сверхнациональными отвлеченными формами жизни. Нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Все политические формы и средства человечества полезно знать и верно разуметь. Но творческая комбинация из них и из других, еще неизвестных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственными задачами, помимо всяких чужих предписаний или своих предрассудков и доктрин.

Политика имеет совсем иные задания, а именно: властно внушаемая солидаризация народа; авторитетное воспитание личного, свободного правосознания; оборона страны и духовный расцвет культуры; создание

национального будущего через учет национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Для этого необходимы люди высокой духовной силы, люди первого ранга. Государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца, не хитрящего интригана или чего-нибудь еще худшего, но человека с религиозно и нравственно сильным характером, человека качественного и призванного к власти.

Политика требует качественно лучших людей. Только им будет возможно осуществить все связанные с политикой компромиссы, не роняя ни себя, ни государственную власть. Но народ чует чутьем реальную меру необходимости таких компромиссов и прощает мудрому политику многое во имя главного и основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения. Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою «элигу» и дает ей общие, направляющие указания. И вот, судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворенности или прямо о его несостоятельности, – может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя.

Новая русская элита в деле правления должна, настаивает И. А. Ильин, блюсти и крепить авторитет государственной власти. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, – в формах противоположных, свирепых и унижительных, – советской властью. И вот, борьба за грядущую Россию окажется борьбой за новый авторитет новой национальной власти, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый отбор кадров должен быть одушевлен творческой национальной идеей. Нужна новая идея – религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.

Россию, предупреждал И. А. Ильин, невозможно построить на ненависти, ни на классовой (социал-демократы, коммунисты, анархисты), ни на расовой (расисты, антисемиты), ни на политическо-партийной. Естественно желать своему народу справедливости для того, чтобы открыть свободную дорогу творчеству и качеству честности, совести, уму, таланту, гению; но неестественно разжигать в своем народе завистливую химеру равенства, для того чтобы погасить высшие способности. Полную справедливость надо

самому искать и творить в течение всей своей жизни, а не требовать ее «немедленно» от других.

Необходимо обновить в себе дух на национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Мы должны научиться веровать по-новому, созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески. России нужен новый русский человек, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным укладом. Этот уклад, отмечал И. А. Ильин, мы должны, прежде всего, воспитать и укрепить в себе самих. Россия ждет нового, христиански-социального, волевого, творческого воспитания. Но как воспитает других тот, кто не воспитал себя самого?

У России, прозорливо отмечал И. А. Ильин, нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться только на Бога и на себя. Он может освободиться только сам. Русский народ возродится только самостоянием, самопомощью, творческой самодеятельностью.

В заключение отметим: тексты И. А. Ильина поражают глубиной смысла, проникновенным литературным словом и правдивостью сердца. Они воспитывают!

В. В. ШУБИН

И. А. ИЛЬИН О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПОЛИТИКИ

И. А. Ильин, являясь не только философом, но и теоретиком права, не мог не рассматривать вопросы правосознания в преломлении своего учения о духовном обновлении общества.

В работе «Путь духовного обновления» он пишет о том, что общество переживает «эпоху, когда правопорядок становится повсюду непрочным и колеблется в самых основах своих; когда большие и малые государства стоят перед возможностью крушения и распада, а над миром носятся какие-то всеразлагающие дуновения или даже порывы революционного ветра, угрожающие всей человеческой культуре. Это означает, что необходимо начать планомерную, систематическую борьбу за укрепление и очищение современного правосознания. Если эта борьба не начнется или не будет иметь успеха, тогда правосознание современного человека станет жертвою окончательного разложения, а вместе с ним рухнет и вся современная мировая культура... Современное человечество переживает кризис правосознания» [2, с. 266].

В работе «О сущности правосознания» Ильин указывает на глубинное основание правосознания, каковым, по его мнению, является общественная жизнь людей. Каждому человеку, как члену сообщества, присуще мировоззрение, частью которого выступает правосознание, исходящее из осознания, что на свете существуют другие люди, что устройство личной жизни человека зависит от его отношения к другим людям, независимо от того, знает он об этом или не знает. Субъективно-психологическим истоком права, закона, обычая, пишет он, является основанное на здравом смысле «убеждение в том, что не все внешние деяния одинаково допустимы и “верны”, что есть совсем